

ХИЛЕР

СЕМЬ ВРАТ

Healer Ivan Хилер

Хилер. Семь врат

«Автор»

2026

Хилер Н.

Хилер. Семь врат / Н. Хилер — «Автор», 2026

Если ты держишь эту книгу в руках — ты уже на пороге. Где-то там, за гранью обычного, есть Академия. Не та, что в сказках. Мальчик, который грыз пальцы в белой палате. Подросток, который врал и воровал, чтобы выжить. Мужчина, который потерял всё и нашёл себя. Он не герой. Он — тот, кто прошёл через ад и вернулся. Семь врат. Семь уроков. Семь шагов от боли к исцелению. Не быстрых. Не простых. Но настоящих. Капитуляция. Искра. Тишина. Прощение. Исправление. Закалка. Наследие. Это не просто история. Это карта. Ты можешь читать её как роман. А можешь — как путь. И однажды, посреди обычного дня, ты вдруг почувствуешь: что-то изменилось. Не снаружи — внутри. Ты стал чуть свободнее. Чуть спокойнее. Чуть ближе к себе настоящему. Это не чужая победа. Это твоя. Ты просто ещё не знаешь об этом.

© Хилер Н., 2026

© Автор, 2026

Healer Ivan Хилер

Хилер. Семь врат

Эту книгу можно просто читать. Можно проживать. Можно забыть на год и вернуться.

Твой ум, возможно, захочет всё понять сразу. Разложить по полочкам. Оценить. Проверить. Это его работа. Но эта книга — не для ума. Она для той части тебя, которая помнит. Которая знает, что всё не случайно. Которая чувствует: за словами есть что-то ещё.

Это история о внутреннем мире. О том, что происходит внутри каждого, кто ищет — и кто не ищет. О пути от боли к исцелению. Не быстром, не простом, но настоящем. И однажды, посреди обычного дня, ты вдруг почувствуешь: что-то изменилось. Не снаружи — внутри. Ты стал чуть свободнее, чуть спокойнее, чуть ближе к себе настоящему.

Это не чужая победа. Это твоя. Ты просто ещё не знаешь об этом.

Здесь нет правил. Нет обязательств. Нет «надо». Ты можешь поверить — а можешь просто проверить. Можешь дочитать до конца — а можешь открыть на любой странице. Книга работает сама, даже когда ты о ней не думаешь.

Просто читай. Просто позволь. И однажды ты заметишь, что там, где были пробелы, стало чуть светлее.

Оглавление

От автора	4
Глава 1. Вступление	7
Глава 2. Формирование защиты	15
Глава 3. Серый Предел	45
Глава 4. Академия	55
Урок первый. Капитуляция	79
Урок второй. Искра	95
Урок третий. Тишина	111
Урок четвёртый. Прощение	140
Мир за стенами Академии	168
Урок пятый. Исправление	186
Урок шестой. Закалка	211
Урок седьмой. Наследие	231
Глава 5. Возвращение	253
От автора	261

Хилер. Семь Врат

От автора

Ты держишь в руках не просто книгу. Ты держишь ключ.

Возможно, ты ещё не знаешь, от какой он двери. Возможно, ты просто почувствовал что-то, когда взял её в руки, — тихое, едва уловимое, как шёпот. Это нормально. Так и должно быть.

Эта книга — не инструкция. Не обещание лёгкой жизни. Не попытка сделать тебя «правильным» или «удобным». Она — приглашение. В путешествие, которое начинается не с первой страницы, а с того момента, когда ты позволишь себе задать вопрос: «А как я на самом деле живу?».

Я не знаю, что происходит в твоей жизни сейчас. Может быть, ты счастлив. Может быть, запутался. Может быть, просто устал. Но если ты открыл эту книгу — значит, внутри тебя уже что-то отозвалось. Что-то, что хочет ясности. Что-то, что ищет не просто информации, а перемен.

Я не обещаю, что будет легко. Но я обещаю, что будет по-настоящему. Ты не станешь безликим или скучным. Ты станешь собой. Настоящим. Таким, каким ты был задуман. Таким, каким ты сам себя ещё не знаешь.

Всё, что тебе нужно, уже есть в тебе. Эта книга — просто фонарь. Она подсветит то, что, возможно, давно ждало твоего взгляда.

Читай не спеша. Позволь себе чувствовать. Позволь себе останавливаться и думать. Позволь себе не соглашаться. Это твой путь. Я просто рядом.

Добро пожаловать. Ключ уже у тебя в руках.

С уважением и верой в тебя,
Healer Ivan

Глава 1. Вступление

Я лёг спать.

Обычный вечер. Обычная комната. За окном — город, который никогда не спит. Закрыв глаза и провалился в темноту, как проваливался тысячи раз до этого.

Но в этот раз темнота не просто накрыла. Она имела вкус.

Я знал этот вкус. Чувствовал его раньше. Не в этой жизни — где-то глубже, под слоями памяти, под коркой лет. Горький. С нотой сырой земли и старого железа. Так пахнет погреб, в котором сидел в детстве. Так пахнет кровь, когда разбиваешь губу о чужой кулак. Так пахнет правда, которую слишком долго прятал.

Этот вкус разбудил что-то во мне. Не страх. Не боль. Узнавание. Будто я вернулся туда, где уже был. Будто всегда знал, что этот момент настанет.

А потом пришёл шёпот.

Не слова. Не голоса. Просто шёпот. Он шёл отовсюду и ниоткуда. Проникал не в уши — в кости. Он был внутри меня и снаружи одновременно. Что-то говорил, но я не мог разобрать. Только чувствовал: это что-то важное. Что-то страшное. Что-то, что нельзя забыть.

А потом — боль.

Меня не били. Не ранили. Меня просто вывернуло наизнанку. Как старую перчатку. Каждая клетка закричала. Каждый нерв вспыхнул. Меня растянуло, разорвало, пересобрало заново — но уже по-другому. Я чувствовал, как что-то чужое вползает в меня. Или, наоборот, что-то моё вырывается наружу. Я не мог понять. Я мог только кричать. Но звука не было. Только шёпот. И этот вкус. Знакомый. До боли знакомый.

А потом всё стихло.

Я открыл глаза.

И понял: я снова ребёнок.

Мне лет пять. Я в больнице. Один.

Белая палата. Белые стены. Белый потолок. Всё белое, кроме темноты за окном. Темнота там густая, как дёготь, и она смотрит на меня сквозь стекло. Я не знаю, где мама. Не знаю, где папа. Не знаю, почему я здесь. Я только знаю, что мне страшно.

Кровать железная, скрипучая. Пахнет хлоркой, лекарствами и чем-то кислым — не то болезнью, не то чужим страхом. Этот запах въедается в нос, в кожу, в память. Я буду помнить его всю жизнь, даже когда забуду, откуда он.

Вокруг ходят люди. Взрослые. Чужие. Они в белых халатах, у них уставшие лица и холодные руки. Они что-то говорят мне, но я не понимаю слов. Их голоса звучат глухо, как через подушку. Они трогают меня, переворачивают, осматривают. Я чувствую себя куклой, с которой играют по непонятным правилам. Я не могу сопротивляться. Я не могу убежать. Я могу только плакать.

Я плачу каждый день.

Не кричу — плачу. Тихо. Беззвучно. Слезы текут сами, и я даже не замечаю, когда они начинаются. Я просто лежу и смотрю в потолок. Белый. Пустой. Как моё будущее, о котором я ничего не знаю.

Иногда приходит кто-то, кого я, кажется, знаю. Лицо знакомое, но размытое, как сквозь мутное стекло. Может, это мама. Может, нет. Она что-то говорит, гладит меня по голове, но её рука холодная, чужая. Я хочу прижаться к ней, но что-то внутри говорит: «Не надо. Она не защитит. Она сама боится». И я остаюсь лежать. Один. В белой палате. С белыми стенами. С белым потолком.

Другие дети есть, но они далеко. Они в других палатах. Иногда я слышу, как кто-то из них плачет. Иногда — как смеётся. Я не понимаю, чему можно смеяться. Здесь нет ничего смешного. Здесь только боль и ожидание. Я жду, когда всё закончится. Но оно не заканчива-

ется. День сменяет ночь, ночь сменяет день, а я всё здесь. В этой белой коробке. С этим кислым запахом. С этим холодом внутри.

Я не знаю, что со мной делают. Не знаю, зачем все эти процедуры, уколы, осмотры. Мне никто не объясняет. Меня просто берут, несут, кладут, переворачивают. Я не спрашиваю. Я разучился спрашивать. Я просто терплю. Я учусь терпеть. Этот навык останется со мной навсегда.

Иногда я вижу тени. Они прячутся в углах, за шкафами, под кроватью. Они шепчут. Я не понимаю слов, но знаю: они говорят обо мне. Они ждут. Они знают что-то, чего не знаю я. И от этого ещё страшнее.

Однажды ночью я просыпаюсь от того, что кто-то сидит на моей кровати. Я не вижу лица — только силуэт. Тёмный, сгорбленный, неподвижный. Он не дышит. Он просто смотрит на меня. Я хочу закричать, но не могу. Горло сжато, как будто его держит невидимая рука. Я закрываю глаза. А когда открываю — никого нет. Только белый потолок. Только кислый запах. Только я.

Я плачу каждый день. Я не знаю, за что мне это. Я не знаю, почему мама не забирает меня. Я не знаю, почему папы нет. Я не знаю, почему я один. Я просто лежу и плачу. И в этой белой палате, среди белых стен, под белым потолком, рождается что-то внутри меня. Что-то тёмное. Что-то, что будет жить во мне годами. Что-то, что однажды станет моим даром. Но я ещё не знаю этого.

Я просто плачу. Каждый день.

Глава 2. Формирование защиты

Не помню, когда это началось. Кажется, в один из тех дней, когда страх стал невыносимым. Я поднёс руку ко рту — неосознанно, просто чтобы занять чем-то губы, — и зубы сами впились в ноготь. Было больно. Но эта боль была другой. Не той, что снаружи. Не той, что делали чужие люди в белых халатах. Эта боль была моей. Я сам её создал. Я сам её контролировал. И это давало странное, извращённое облегчение.

Я грыз до крови. До мяса. Пальцы распухали, кожа вокруг ногтей краснела, воспалялась. Медсёстры ругались. Мазали чем-то горьким. Заставляли ходить в варежках. Но я всё равно находил способ. Когда никто не видел, когда свет гасили и палата погружалась в темноту, я забирался под одеяло и грыз. Тихо. Чтобы никто не услышал. Чтобы никто не отнял эту единственную вещь, которую я мог контролировать.

Это была не привычка. Это был ритуал. Моя личная магия. Мой способ справляться с ужасом, который пропитывал стены этой больницы. Каждый отгрызенный кусочек ногтя — это была маленькая победа. Я отгрызал себе немного контроля. Я отгрызал себе немного тишины. Я отгрызал себе право чувствовать хоть что-то, кроме страха.

Я не знал тогда, что этот ритуал останется со мной на десятилетия. Что он превратится в клеймо, в привычку, которую я буду прятать от других. Что он станет моим тайным языком, на котором моя душа будет говорить о боли, которую я сам забыл.

Но в те ночи, под одеялом, в белой палате, с железной кроватью и запахом хлорки, я просто грыз. И это помогало. Это было единственное, что помогало.

Меня выписали. Однажды просто собрали вещи, вывели за ворота и отпустили. Никто не спросил, хочу ли я домой. Никто не объяснил, почему я был там так долго. Просто белая палата сменилась серыми улицами, а кислый запах лечебницы — запахом сырой земли, дыма и чего-то едкого, чем пахли мастерские ремесленников.

Годы шли. Времена были тяжёлые. Люди здесь жили суровые — с обветренными лицами, с руками в шрамах, с глазами, которые видели слишком много. Здесь не любили слабых. Здесь не прощали странностей. И я учился жить. Точнее — выживать.

Я быстро понял: быть собой — опасно. Слишком чувствительный. Слишком странный. Слишком много вижу. Слишком много чувствую. Такого не поймут. Такого сломают. И я начал учиться быть другим. Быть как все.

Я стал худшим учеником. Не потому что глупый — наоборот. Но тех, кто тянет руку, здесь били после уроков. А тех, кто сидит на задней парте и скалится, — уважали. Я выбрал уважение. Я специально не учил уроки, срывал занятия, перечил наставникам. Это была маска. Моя первая маска. Я научился её носить так хорошо, что сам начал в неё верить.

Я стал лгуном. Врал родителям про оценки, про то, где был, про то, с кем дружил. Врал сверстникам про то, чего у меня не было, и про то, что я якобы делал. Врал, чтобы казаться сильнее, опаснее, круче. Потому что правда была слишком уязвимой. Правда была — я боюсь. Правда была — мне больно. Правда была — я не понимаю, почему со мной что-то не так.

Я прятал боль. Закапывал её глубоко, как клад, который никто не должен найти. Я не плакал. Не жаловался. Не просил помощи. Я научился улыбаться, когда хочется кричать. Смеяться, когда хочется разрыдаться. Говорить «всё нормально», когда внутри всё рушится. Этот навык я оттачивал годами.

Родители ругали. За плохие отметины. За поведение. За обгрызенные до мяса пальцы. Мать кричала, что я позорю семью. Отец орал, что из меня ничего не выйдет. Они не знали, что эти пальцы — не привычка. Это — единственное, что держит меня на плаву. Единственное, что я могу контролировать. Единственное, что заглушает ту боль, которую я не могу объяснить словами.

А я не знал, как иначе. Я не знал, что можно по-другому. Я думал, что все так живут. Что все носят маски. Что все грызут себя изнутри. Я не знал, что где-то есть дети, которых обнимают просто так. Которым говорят: «Ты молодец». Которым не нужно притворяться, чтобы выжить.

Я просто учился быть незаметным. Учился не выделяться. Учился быть таким, как все. И с каждым годом у меня получалось всё лучше. Я так хорошо научился быть другим, что забыл, какой я настоящий.

Но иногда, по ночам, когда все засыпали, я доставал руки из-под одеяла и смотрел на свои пальцы. Обгрызенные. Израненные. Они напоминали мне, что я — не как все. Что внутри меня всё ещё живёт тот мальчик из белой лечебницы. Который плачет каждый день. Которого никто

не забирает. Который ждёт, что однажды кто-то придёт и скажет: «Ты хороший. Ты справился. Я тебя вижу».

Годы шли. Я вырослел. Тело вытягивалось, голос ломался, в глазах появился тот самый дикий блеск, который пугает родителей и притягивает неприятности. Я стал подростком.

Маска, которую я начал носить ещё в детстве, теперь приросла к лицу. Я больше не надевал её — я был ею. Двоечник. Лгун. Тот, кто всё делает поперёк. Тот, кого не стоит трогать. Тот, кто сам может тронуть.

Я стал диким. Неуправляемым. Если мне говорили «не лезь» — я лез. Если говорили «не трогай» — я трогал. Если говорили «это опасно» — я делал это дважды. Не потому что был смелым. А потому что внутри была пустота, которую можно было заполнить только адреналином, страхом, чужой похвалой или чужой кровью.

Появились новые привычки. Первая — курение. Я курил тайком, прячась за сараями, в оврагах, в заброшенных домах. Дым щипал горло, вызывал кашель, но я упорно учился затягиваться. Потому что крутые курят. Потому что это делало меня старше. Потому что это был ещё один способ доказать: я не слабак.

Вторая привычка была страшнее. Я начал воровать. Не потому что нуждался в деньгах. Не потому что нечего было есть. А потому что это был пропуск. Пропуск в круг тех, кто в моём понимании был крутыми. Старшаки. Они ходили вразвалочку, говорили сквозь зубы, сплёвывали на землю. Их боялись. Их уважали. Я хотел быть с ними. Я хотел быть как они.

А им нужно было доказывать. И я доказывал. Тащил с рынка сладости. Из лавки — ножик. Из чужого двора — инструмент. Приносил, отдавал, смотрел, как они хмыкают и кивают. Одна скупая похвала от них стоила больше, чем все родительские крики вместе взятые. Там меня принимали. Там я был своим. Там я был не странным, а дерзким. Не чувствительным, а опасным.

Я прятал украденное за пазухой, сердце колотилось, ладони потели, но я шёл. Каждый раз — как в бой. Каждый раз — как проверка. И я проходил. Я доказывал. Я соответствовал.

Дома всё было по-прежнему. Крики. Упрёки. Обгрызенные пальцы, которые я прятал в кулаки. Мать качала головой, отец угрожал. Они не знали, где я пропадаю. Не знали, что я курю, что я ворую, что я уже давно живу двойной жизнью. Для них я был просто трудным подростком. Для себя — выживающим.

Я не знал тогда, что каждая украденная вещь — это не просто трофей. Это крик. Крик о том, что меня не видят. Что я хочу быть принятым. Что я хочу, чтобы кто-то сказал: «Ты молодец. Ты наш. Ты с нами». Я не мог сказать это словами. Я говорил действиями. Грязными, опасными, отчаянными.

И где-то глубоко внутри, под маской дерзкого вора и дикого подростка, всё ещё жил тот мальчик из белой лечебницы. Он больше не плакал. Он просто молчал. Он ждал. Он знал, что однажды всё изменится. Но когда — не знал никто.

Шли годы. Я становился старше, а боль внутри — тише. Она больше не кричала. Она просто жила во мне, как старая рана, которую перестаёшь замечать, но которая всегда ноет перед дождём.

Однажды мне подарили пса.

Откуда он взялся — не помню. Кажется, кто-то из соседей не мог держать, кажется, у него были щенки, кажется, мать пожалела и принесла. Но это не важно. Важно, что он стал моим. Маленький, лохматый, с влажным носом и хвостом, который молотил по ногам так, что оставались синяки. Он спал у моей кровати. Он ждал меня после уроков. Он смотрел на меня так, как никто никогда не смотрел: с абсолютной, безусловной, нечеловеческой преданностью.

Я любил его. Впервые в жизни я любил кого-то без страха. Без маски. Без притворства. Ему не нужно было доказывать, что я крутой. Ему не нужно было врать про оценки. Ему было всё равно, сколько раз я упал, сколько раз меня отлупили, сколько раз я плакал в подушку. Он просто был рядом. Он просто любил.

Я рассказывал ему то, что не рассказывал никому. О белой лечебнице. О страхе. О пальцах, которые всё ещё болели по ночам. Он слушал, положив голову на мои колени, и изредка вздыхал — так, как будто всё понимал. И, возможно, он действительно понимал больше, чем люди.

Но он заболел. Я не знаю, как это случилось. Просто однажды он перестал вставать. Просто однажды его глаза потускнели. Просто однажды он больше не встретил меня у порога. Я сидел рядом с ним, гладил его свалявшуюся шерсть и шептал, что всё будет хорошо. Я верил в это. Я очень хотел верить.

Отец сказал: «Он мучается. Так нельзя. Я должен это сделать». Я не спорил. Я понимал. Мне было пять? Шесть? Семь? Не помню. Но я понимал, что иногда милосердие — это страшно. Иногда любовь — это выстрел.

Отец увёл его за сарай. Я сидел в доме, зажав уши ладонями, но выстрел всё равно прозвучал. Он прозвучал не только снаружи — он прозвучал внутри меня. И остался там навсегда. Эхо. Гулкое, далёкое, нестихающее. Я не плакал. Я уже научился не плакать. Я просто сидел и смотрел в стену. Белую. Как в лечебнице. Пустую. Как моё будущее.

Новую собаку мне не подарили. Может, не хотели снова причинять боль. Может, просто забыли. Может, решили, что я уже взрослый и мне это не нужно. Но боль осталась. Она не ушла вместе с тем выстрелом. Она поселилась во мне, как молчаливый жилец. Она не кричала, не плакала. Она просто была. Всегда. Как напоминание, что любовь — это страшно. Что привязанность — это больно. Что те, кого ты любишь, уходят. Иногда — навсегда. Иногда — за сарай.

Я больше не заводил собак. Я больше не позволял себе такой привязанности. Я научился любить на расстоянии. Без ожиданий. Без требований. Без надежды, что это навсегда. И это помогало. Но той детской, чистой, безоглядной любви во мне больше не было. Она осталась там, за сараем, в траве, рядом с моим единственным другом. Которого я помню до сих пор. Которого я всё ещё люблю. Который однажды встретит меня, когда я сам уйду за сарай. И мы снова будем вместе. Навсегда.

Но сейчас я был один. Совсем один. В доме, где каждый вечер что-то ломалось. Не вещи — слова. Голоса. Сначала тихие, потом громче. Потом крик. Потом тишина. Тишина была страшнее крика. В крике была жизнь. В тишине — пустота.

Я сидел в своей комнате. Сжимался в комок. Закрывал уши ладонями, но это не помогало. Их голоса проходили сквозь стены, сквозь пальцы, сквозь кожу. Они говорили обо мне. Или не обо мне — я не всегда понимал. Но мне казалось, что это я виноват. Что это из-за меня они кричат. Что если бы меня не было, они бы жили спокойно.

Я не плакал. Я уже разучился плакать при них. Я просто сидел и грыз пальцы. Ноготь за ногтем. До крови. До мяса. Это была единственная вещь, которую я мог контролировать. Единственная боль, которую я выбирал сам.

А потом всё затихало. И я лежал в темноте, смотрел в потолок и чувствовал, как внутри растёт что-то тёмное. Что-то тяжёлое. Что-то, чему я не знал названия. Это была не ненависть. Это была не злость. Это была броня. Она росла с каждой ссорой, с каждым криком, с каждой ночью, когда я ждал, что кто-то придёт и скажет: «Всё хорошо. Я рядом. Ты в безопасности».

Никто не приходил. И броня становилась толще.

Родители не были плохими. Я знаю это сейчас. Тогда я этого не знал. Тогда я просто видел, как два человека, которые когда-то любили друг друга, медленно превращаются в чужих. Они не били меня. Они не выгоняли. Они просто не замечали. Им было не до меня. У них была своя война. А я был просто тылом, который страдает молча.

И я молчал. Годами. Сжимал зубы. Грыз пальцы. Смотрел в потолок. И становился крепче. Не счастливее — крепче. Эта боль, эта тишина, это одиночество — они ковали меня. Как молот куёт сталь. Каждый удар делал меня твёрже. Каждая ночь — выносливее. Каждая слеза, которую я не пролил, становилась кирпичиком в стене, которую я строил вокруг себя.

Я не знал тогда, что эта стена однажды станет моей крепостью. Что эта боль станет моим даром. Что эта тьма станет моим топливом. Я просто выживал. День за днём. Ночь за ночью. Год за годом.

И где-то глубоко внутри, под всей этой бронёй, всё ещё жил тот мальчик из белой лечебницы. Который любил пса. Который плакал по ночам. Который ждал, что однажды кто-то придёт и скажет: «Ты хороший. Ты справился. Я тебя вижу». Он всё ещё ждал. И я всё ещё ждал вместе с ним.

Я не хотел домой.

Каждый раз, подходя к двери, я замедлял шаг. Сердце начинало биться где-то в горле. Ладони потели. Я не знал, в каком она сегодня настроении. Не знал, что на этот раз попадёт ей под руку. Провод? Скалка? Ремень?

Я открывал дверь. Снимал обувь. Старался не шуметь. Может, если я буду тихим, если я буду невидимым, она меня не заметит. Может, сегодня обойдётся.

Не обходилось.

Она вылетала из кухни, как фурия. Глаза горят. Лицо красное. В руке — то, что она схватила, пока шла. Провод от утюга свистит в воздухе. Я вжимаю голову в плечи, закрываюсь локтями, но это не помогает. Удар по спине. Ещё один. Ещё.

— Ты почему опять двойку принёс?! Ты почему такой тупой?! Я на тебя всю жизнь угробила! Ты никчёмный! Ты такой же, как твой отец!

Я не отвечал. Не спорил. Спорить было бесполезно. Спорить — значит получить ещё. Я просто сжимался. Становился маленьким. Как в той белой палате. Как тогда, когда я ещё не умел говорить. Когда я просто лежал и плакал.

Скалка ломалась о мою спину. Она швыряла обломок в угол и хватала новое. Ремень с пряжкой оставлял синяки, которые я потом прятал под рубашкой. Синяки заживали. Слова — нет.

— Ты — ошибка. Ты — обуза. Если бы не ты, я бы была счастлива.

Я верил. Я правда верил, что я ошибка. Что я обуза. Что она была бы счастлива без меня. Я видел её лицо — искажённое, страшное, — и верил, что это я сделал её такой. Что это я виноват.

Она всегда плакала после. А может и не плакала. Я не знаю. Я лежал на полу, разбитый, и слушал её рыдания. И во мне боролись два чувства: ненависть и жалость. Я ненавидел её. И я же её жалел. Я понимал, что она несчастна. Что она бьёт меня не потому, что я плохой. А потому что она сама — раненый зверь. Но от этого понимания было не легче. Оно делало только хуже. Потому что я не мог уйти. Не мог ответить. Я мог только терпеть.

И я терпел. Год за годом. Удар за ударом. Слово за словом. И становился крепче. Не счастливее. Крепче. Броня росла. Душа пряталась всё глубже. А где-то на самом дне, под всем этим, всё ещё жил тот мальчик. Который любил пса. Который плакал в белой палате. Который ждал, что кто-то придёт и скажет: «Ты хороший. Ты справился. Я тебя вижу».

Никто не пришёл. И он перестал ждать.

Однажды я не выдержал. Я сбежал.

Не в первый раз. Но в этот раз — по-настоящему. Не на день, не на два. Я ушёл в ночь и не оглянулся. Дверь хлопнула так, что стены задрожали. Или это во мне что-то дрожало. Я не помню. Помню только, что бежал, не разбирая дороги, пока дом не скрылся за поворотом, пока крики не стихли в голове, пока лёгкие не загло от холода.

Я познакомился с ними случайно. Или не случайно — теперь я знаю, что случайностей не бывает. Они сидели у костра на окраине, за старыми сараями, где никто не ходит. Они были другие. Не как все. Грязные, в драных одеждах, с тёмными кругами под глазами и хриплыми голосами. От них пахло дымом, потом и чем-то сладковатым — незнакомым, но манящим. Я подошёл. Они не прогнали. Они подвинулись. Один протянул мне трубку.

— Держи. Легче станет.

Я взял. Не потому что хотел. Просто уже давно искал, где бы стало легче. Я затянулся. Дым обжёг горло, ворвался в лёгкие, и мир покачнулся. Не провалился — смягчился. Звуки стали тише. Цвета — теплее. Боль, которая сидела внутри меня годами, ослабила хватку. Я выдохнул. И впервые за долгое время почувствовал что-то похожее на покой.

Я остался с ними. Мы жили в заброшенном доме на отшибе. Там не было света, не было воды, не было правил. Мы спали на грязных матрасах, ели что придётся, пили то, что горело. Мы были изгоями, отбросами, теми, на кого плюют на улицах. Но тогда я этого не понимал. Мне казалось, что я нашёл своих. Что эти люди — моя стая. Что здесь меня принимают. Что здесь мне рады.

Я не замечал, как меняюсь. Как кожа становится серой. Как глаза тускнеют. Как пальцы перестают дрожать и начинают трястись по утрам. Я не думал о будущем — у меня его не было. Было только «сейчас». Трубка. Глоток. Тишина внутри. И этого хватало.

Мать искала меня. Я знал. До неё доходили слухи. Она передавала через знакомых, что ждёт, что простит, что хочет, чтобы я вернулся. Я не верил. Я помнил её лицо. То самое, искажённое, красное, с проводом в руке. Я не мог вернуться. Не хотел. Лучше сдохнуть здесь, среди этих людей, чем снова туда. Лучше сдохнуть.

Но где-то глубоко внутри, под слоями грязи, дыма и отчаяния, всё ещё жил тот мальчик. Он больше не плакал. Он просто смотрел. Он ждал. Он знал, что однажды всё изменится. Но когда — не знал никто.

Мать забила тревогу. Она больше не кричала — она испугалась. По-настоящему. Я видел это в её глазах, когда меня забирали. В них не было ярости. Был страх. Страх, что она теряет меня навсегда.

Меня закрыли в лечебницу. Снова белые стены. Снова запах хлорки и лекарств. Снова чужие люди в белых одеждах, которые трогают, осматривают, говорят непонятные слова. Я не сопротивлялся. Я уже научился терпеть. Я просто лёг на кровать, уставился в потолок и приготовился ждать.

Первые дни были невыносимы. Я выл. Я бился о стены. Я умолял отпустить меня. Мне казалось, что я сойду с ума в этой белой коробке. Что моя душа не выдержит. Я звал мать. Я звал отца. Я звал того пса, которого больше не было. Никто не приходил.

А потом всё изменилось.

Однажды ночью, когда я лежал без сна и смотрел в потолок, он треснул. Буквально. По белому камню побежала трещина. Сначала тонкая, как волос. Потом шире. Потом из неё хлынул свет. Не резкий, не слепящий — мягкий, золотой, живой. Он струился, как вода, заполняя палату. Я сел на кровати и смотрел, не в силах оторвать взгляд.

Трещина расширялась. Свет становился ярче. Я чувствовал, как он зовёт меня. Не словами — вибрацией. Как будто кто-то далёкий, но очень родной говорил: «Иди сюда. Здесь твой дом. Здесь тебя ждали». Я встал. Протянул руку. И шагнул в свет.

Мир развернулся, как свиток.

Глава 3. Серый Предел

Я стоял в огромном зале. Стены были не из камня — из света. Потолок терялся в вышине, где кружились золотые искры. Пол был прозрачным, и под ним плыли звёзды. В центре зала стоял стол, а на столе лежала книга. Толстая, в кожаном переплёте, с серебряными застёжками. От неё исходило тепло.

Я подошёл. Открыл. Страницы были пустыми. Но когда я коснулся их пальцами, на них начали проявляться буквы. Они складывались в слова. Слова складывались в знание. Знание было живым. Оно втекало в меня, как вода в сухую землю.

Свет померк. Не сразу — медленно, как закат, который сменяется сумерками. Золотые искры, что кружились под потолком, потускнели и опали пеплом. Прозрачный пол, под которым плыли звёзды, затянуло серой дымкой. Я стоял и смотрел, как мир вокруг меня меняется. Превращается во что-то другое. Во что-то, чему я не знал названия.

— Это не рай, — сказал Старец, и его голос звучал глухо, как сквозь толщу воды. — Это не свет и не тьма. Это Преддверие. Здесь ты узнаешь, что такое магия. Но овладеть ею ты сможешь только там, куда я тебя отведу.

— Где я? — спросил я снова, но теперь в моём голосе не было надежды. Только холод.

— Ты в Сером Пределе. Здесь нет ни живых, ни мёртвых. Здесь нет времени. Здесь только ты и твой выбор.

Я огляделся. Стены из света исчезли. Вместо них — бесконечная равнина, покрытая пеплом. Небо было низким, тяжёлым, как свод пещеры. Ни солнца, ни луны, ни звёзд — только серый сумрак, который давил на плечи. Воздух был густым, вязким, пахло сыростью и чем-то горьким — не то полынью, не то старым железом.

Вдалеке стояли фигуры. Много. Они не двигались. Не дышали. Просто стояли, опустив головы, как статуи на заброшенном кладбище.

— Кто это? — прошептал я.

— Те, кто не решился. Те, кто испугался. Те, кто выбрал остаться. Они здесь навсегда. Они отказались от магии и потеряли себя.

Я сглотнул. В горле пересохло.

— Что мне делать?

— Выбирать. Ты можешь вернуться. В свою комнату, к своей боли, к своей старой жизни. Там тебя ждут. Там тебя простят. Там тебя снова будут бить, унижать, не замечать. Но ты будешь жив. Или ты можешь пойти дальше. В мир, где тебе придётся умереть, чтобы родиться

заново. Где магия — это не дар, а испытание. Где каждый шаг будет стоять тебе части прежнего себя. Где ты узнаешь, кто ты на самом деле.

— Я останусь здесь. Здесь тихо.

Старец покачал головой.

— Тишина здесь — это смерть. Ты чувствуешь покой, но это ложь. Это оцепенение. Если ты останешься, ты станешь одним из них. Ты перестанешь быть собой. Ты станешь тенью.

Я посмотрел на неподвижные фигуры. На их пустые лица. На их глаза, в которых не было ничего. И я понял. Это не покой. Это конец.

— Я не хочу быть тенью.

— Тогда иди. Но знай: магия — это не свет. Это сила. Она может исцелять и разрушать. Она может сделать тебя Богом или чудовищем. Всё зависит от того, что ты выберешь. И этот выбор придётся делать каждый день. Каждую минуту. До самого конца.

Он протянул руку. На ладони лежал ключ. Чёрный, с золотой прожилкой, тёплый на ощупь.

— Это ключ от первого портала. Он откроется, когда ты будешь готов. Но чтобы быть готовым, тебе придётся отказаться от прежней жизни. Не просто уйти — сжечь мосты. Забыть лицо матери. Забыть запах дома. Забыть всё, что ты знал о себе. Ты готов?

Я взял ключ. Он обжёг ладонь. Но я не разжал пальцы.

— Готов.

Старец усмехнулся. Не добро, не зло — просто усмехнулся.

— Посмотрим. Ты даже не представляешь, на что ты подписался.

И Серый Предел исчез. Вместе с ним исчез Старец, исчезли тени, исчезла тишина. Я остался один. В темноте. С ключом в руке. С сердцем, которое билось так, будто хотело вырваться наружу. Впереди был новый мир. Мир магии. Мир испытаний. Мир, в котором мне предстояло умереть и родиться заново.

Ключ жёг ладонь. Не обжигал — напоминал. Что я жив. Что я ещё могу чувствовать. Что я ещё не стал тенью. Я сжал его крепче, до хруста в костяшках, и шагнул вперёд. Темнота расступилась, и передо мной возникла дверь. Не из дерева, не из камня — из тишины. Она стояла прямо в воздухе, сотканная из серого тумана, и от неё веяло холодом. Не тем, что сковывает руки, — тем, что пробирается в душу и заставляет её дрожать. Я протянул руку с ключом. Замок проявился сам — чёрная скважина, которая дышала, как живое существо. Ключ вошёл без звука. Повернулся. Дверь открылась, и меня втянуло в неё, как в водоворот. Без крика. Без вздоха. Только холод.

Сначала он был снаружи. Ледяной ветер ударил в лицо, сорвал дыхание, обжёг кожу. Я зажмурился, но веки не спасли — холод проникал сквозь них, сквозь зрачки, сквозь кости. Он заползал в меня, как змея. Медленно. Неумолимо. Я чувствовал, как кровь густеет, как сердце замедляется, как мысли становятся ломкими, как лёд. Я попытался пошевелиться — и не смог. Тело не слушалось. Оно превращалось в статую, в ледяной столб, замороженный в центр этой бесконечной пустоты. Я хотел закричать — но голос тоже замёрз. Только стук сердца. Всё тише. Всё медленнее. И тишина. Та самая. Страшная. Я уже слышал её раньше. Она была со мной всю жизнь. Она была моим домом, моей тюрьмой, моей колыбелью. Она была моей смертью. И я уже почти принял её, когда внутри что-то треснуло. Не лёд. Не кость. Что-то другое. Что-то, что было глубже. Моя воля.

Я разбил лёд. Не руками — их не было. Не телом — оно не слушалось. Я разбил его изнутри. Тем, что всегда было во мне. Тем, что не могли сломать ни побои, ни боль, ни предательство, ни страх. Той самой броней, которую я ковал годами. Она не защитила меня от ударов, но она научила меня держаться. Держаться, когда уже нет сил. Держаться, когда никто не придёт. Держаться, когда сама вселенная против тебя. Лёд треснул. Разлетелся осколками. И я упал на землю.

Глава 4. Академия

Земля была твёрдой. Каменистой. Холодной. Но это была земля. Настоящая. Я лежал на ней, хватал ртом воздух, и каждый вдох был как глоток огня. Я чувствовал, как жизнь возвращается в тело. Как кровь снова бежит по венам. Как сердце, которое почти остановилось, снова бьётся — громко, яростно, живо. Я поднял голову. Вокруг был новый мир. Не Серый Предел. Не белая лечебница. Не дом, где меня били. Другой. Чужой. Опасный. Но в нём была магия. И я должен был ею овладеть. Я встал. Ноги дрожали. Руки тряслись. Но я стоял. Потому что я прошёл. Потому что я выжил.

Я поднял голову. Мир вокруг был чужим. Небо — не голубое, а серебристое, как ртуть. Земля под ногами — твёрдая, каменистая, усеянная кристаллами, которые светились изнутри тусклым, умирающим светом. Вдали высились скалы, острые, как зубы дракона, и между ними вилась дорога — узкая, извилистая, мощёная чёрным камнем.

Я стоял на этой дороге. Один. С ключом в руке. С сердцем, которое всё ещё колотилось после ледяного перехода. Я не знал, куда идти. Знал только, что назад пути нет.

И тут я услышал шаги. Тяжёлые, уверенные. Кто-то шёл по дороге мне навстречу. Я взгляделся в серебристый сумрак и увидел фигуру. Высокую, широкоплечую. Она приближалась, и с каждым шагом воздух становился плотнее. Давил на плечи. Заставлял сжиматься.

Он вышел из тени. Не старец, не мудрец. Воин. Лицо — будто высечено из того же чёрного камня, что и дорога. Глаза — два угля, горящих изнутри. Одет в тёмное, без украшений, без знаков отличия. За спиной — клинок, длинный, прямой, без ножен. Он остановился в трёх шагах от меня и смерил взглядом. Я почувствовал себя букашкой под сапогом.

— Ты опоздал, — сказал он. Голос был низким, скрежещущим, как камни под водой.

Я открыл рот, но не смог выдать ни слова.

— Я не спрашивал, почему. Мне плевать. Ты здесь. Ты ещё жив. Значит, можешь идти. Иди за мной.

Он развернулся и зашагал по дороге, не оборачиваясь. Я пошёл следом. Ноги дрожали, в боку кололо, но я не смел отстать. Я чувствовал: если я упаду, он не остановится. Даже не обернётся. Просто пойдёт дальше, и я останусь здесь навсегда, как те тени в Сером Пределе.

Мы шли долго. Дорога петляла между скал, поднималась вверх, потом резко падала вниз. Кристаллы под ногами гасли, когда он наступал на них, и снова загорались, когда проходил я. Я хотел спросить, куда мы идём, кто он такой, что это за мир — но язык не слушался. Он словно примёрз к нёбу.

Наконец дорога вывела нас к ущелью. Узкому, тёмному, как трещина в реальности. В глубине ущелья что-то светилось — не золотом, не серебром, а мертвенным, холодным сиянием. Он остановился у входа и впервые посмотрел на меня. Прямо в глаза. Я выдержал этот взгляд. Не потому что был смелым. Просто не смог отвести.

— Это Академия, — сказал он. — Не та, о которой ты читал в сказках. Здесь не гладят по головке. Здесь не прощают ошибок. Здесь ты или станешь тем, кто ты есть на самом деле, или сдохнешь. Третьего не дано. Меня зовут Рэм. Я твой наставник. И я тебе не друг.

Он шагнул в ущелье. Я — за ним. Серебристое небо исчезло. Вместо него — своды пещеры, уходящие в бесконечность. Стены были покрыты рунами, которые пульсировали в такт моему сердцу. Впереди, в самом конце ущелья, возвышалось здание. Не замок, не храм. Скорее, крепость. Чёрная, неприступная, с башнями, которые терялись во тьме. От неё веяло древностью, силой и чем-то ещё — чем-то, что я не мог назвать, но чувствовал каждой клеткой. Это был страх. И это было величие.

— Твоя новая жизнь начинается здесь, — сказал Рэм. — Забудь всё, что ты знал. Забудь, кем ты был. Там, снаружи, ты был никем. Здесь ты станешь либо Мастером, либо трупом. Иди. Тебя уже ждут.

Я сделал шаг. Потом ещё один. И ещё. Академия приближалась. И я чувствовал, как внутри что-то просыпается. Не магия. Не сила. Что-то большее. То, что спало всю мою жизнь. То, что теперь открыло глаза. Это была надежда.

Ворота Академии были уже близко. Огромные, чёрные, с коваными рунами, которые слабо светились в темноте. Над входом, прямо в камне, были высечены слова. Я не знал этого языка, но, как и на площади, смысл сам проник в меня:

«Нуа эн'тэ арэн, нуа син'тэ мор.»

— Не бойся света, не бойся тьмы. Бойся остаться ничем.

— Читаешь? — раздался голос сбоку.

Я обернулся. Из тени вышли двое. Девушка и парень. Девушка была высокой, с серебристыми волосами, заплетёнными в тугую косу. Глаза — льдисто-голубые, светящиеся, как у кошки в темноте. На скулах — тонкие татуировки, которые едва заметно двигались, когда она говорила. Одежда — тёмно-синий плащ, расшитый серебряными нитями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.